

Снег, виски и другие ошибки

ДРОВОСЕК

Хорошее
пиво
—
Вкусная
еда
—
Теплая
атмосфера

АМИНА НУР

18+

Амина Нур

Снег, виски и другие ошибки

<https://litres.ru/74565093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рождественская романтическая комедия.

Грейс тридцать пять, она редактирует любовные романы и давно перестала верить в счастливые финалы. После гибели родителей её жизнь превратилась в безопасную, предсказуемую рутину: работа, пустой дом и попытки пережить ещё один день. Но однажды Грейс решает, что пора что-то менять. И тратит пятнадцать тысяч долларов на элитную программу знакомств, которая обещает подобрать ей идеального мужчину.

Впереди двенадцать свиданий. Двенадцать кандидатов. И целый месяц до Рождества, чтобы выяснить, существует ли вообще совместимость, которую можно рассчитать.

Среди претендентов найдётся мужчина, превращающий отношения в финансовый отчёт, самоуверенный любитель чужих личных границ и кандидат, после которого Грейс всерьёз задумается, не предусмотрена ли в договоре с агентством компенсация за моральный ущерб. К счастью, неподалёку есть «Дровосек» — уютный паб, где потрескивает камин, наливают виски с кленовым сиропом и работает Джек.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2. Кандидат 1.	15
Глава 3. Кандидат 2.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Снег, виски и другие ошибки

Глава 1

Снег в Вермонте не падал — он брал город в осаду. Он валил с самого утра, густой и тяжёлый, замечая подъездные дорожки, превращая почтовые ящики в белые шапки и стирая с дороги следы редких машин. К семи вечера мир за окном почти исчез: остались только снег, темнота и жёлтые круги света от фонарей. Грейс сидела на широком подоконнике гостиной, поджав под себя ноги, и смотрела на метель.

На радио тихо играл Фрэнк Синатра: «Let it snow, let it snow, let it snow...»

— Очень смешно, — пробормотала Грейс.

Синатра, разумеется, не ответил. Она убавила звук на одно деление и снова посмотрела в окно.

Когда-то она любила снег. Мама говорила, что снег делает Вермонт похожим на рождественскую открытку. Отец обычно фыркал и отвечал, что открытки не требуют чистить подъездную дорожку в шесть утра. «Зато открытки не стоят того, чтобы на них смотреть из окна», — парировала мама.

Грейс улыбнулась. Всего на секунду. Потом улыбка исчезла.

Она посмотрела на кресло напротив камина. Пустое. Рядом стояло второе — тоже пустое. Она уже несколько месяцев переставляла эти кресла: иногда ближе к камину, иногда подальше. Один раз даже поменяла их местами. Глупость. Но каждый раз, когда взгляд натыкался на них, внутри что-то болезненно сжималось. Она так и не придумала, что делать с вещами умерших людей. Можно было выбросить старый плед, убрать мамины чашки в коробку или отнести отцовское кресло в гараж. Но что делать с пустотой, которая оставалась после этого? Для неё пока не придумали ни одной коробки.

Грейс отвернулась от окна и посмотрела на ноутбук. На экране была открыта очередная рукопись.

«Он наклонился к ней через рождественский стол, и их взгляды встретились над пудингом».

Грейс прочитала предложение ещё раз, потом ещё.

«Он был её чудом. Её судьбой. Её навсегда».

Она медленно протянула руку к клавиатуре, выделила предложение и нажала Delete.

— Никакого «навсегда» не существует, Элеонора, — вслух произнесла она и, помолчав, добавила: — А рождественский пудинг — это просто кусок теста с изюмом.

Грейс вздохнула и нажала Ctrl+Z. Вернула предложение. Она была профессионалом, даже если последние полгода ей хотелось удалять не только плохие любовные романы, но и саму концепцию счастливого конца. Будучи старшим редак-

тором издательства, выпускавшего любовные романы, Грейс прекрасно знала формулу: снег, случайная встреча, мужчина с идеальной линией челюсти, женщина, которая сначала его ненавидит, один вынужденный поцелуй, одна снежная буря, пара семейных тайн и хэппи-энд до того, как часы пробьют полночь. Она умела делать из этого продаваемые книги. Умела находить слабые места в диалогах, вырезать лишние сцены и заставлять героев влюбляться ровно тогда, когда этого требовал сюжет. Она могла за десять страниц объяснить читателю, почему два незнакомца созданы друг для друга.

Только не могла объяснить себе, зачем ей самой вставать с кровати по утрам.

Грейс закрыла рукопись. На часах было 19:03. До Рождества оставался месяц, и тридцать два дня — до годовщины смерти родителей. Она не любила считать дни, но тело считало за неё. Тридцать два. Она знала это с такой точностью, будто внутри неё работал отдельный календарь.

Спрыгнув с подоконника, она прошла к камину. Огонь почти догорел. Грейс взяла кочергу и пошевелила поленья. Обычно отец делал это лучше.

«Не слишком глубоко, Грейси. Дай огню воздух».

Грейс замерла. Ей вдруг показалось, что она слышит его голос. Глупо, она знала, что это невозможно. Но память была коварной вещью, иногда она не спрашивала разрешения, а просто включала свет. Вот отец стоит у камина в старом

свитере. Вот мама на кухне ругается, что он снова оставил мокрые перчатки на батарее. Вот они оба смеются, и отец говорит: «В этом году ты приезжаешь на Рождество раньше. Без отговорок». А она отвечает: «Пап, я не могу бросить работу». — «Ты старший редактор, а не президент». — «Иногда разница небольшая». — «Грейс!» Она слышит собственный смех. Потом мамин: «Оставь её. Она сама решит, когда ей приезжать».

И последнее, что она сказала матери перед той поездкой: «Я приеду на следующий выходной. Обещаю».

Следующего выходного не было.

Грейс резко положила кочергу обратно. Металл звякнул. — Не сегодня, — закрыв глаза, прошептала она.

Тишина ответила ей. Она ненавидела эту тишину. Раньше этот дом никогда не был тихим: отец мог разговаривать с телевизором, мама — с цветами, а соседский кот — вообще с кем угодно, если ему хотелось еды. Теперь дом словно научился задерживать дыхание.

Грейс поднялась по лестнице, но на середине остановилась. Справа висела фотография родителей. Лето, озеро, мама в огромных солнечных очках, а отец щурится на солнце и держит в руках две бумажные тарелки с хот-догами. Грейс была между ними — лет двадцати пяти, загорелая, смеющаяся и совершенно уверенная, что у неё впереди бесконечное количество времени. Она провела пальцем по стеклу.

— Я всё ещё здесь, — тихо сказала она. И сама услышала,

насколько это похоже не на обещание, а на оправдание.

Она спустилась обратно. На журнальном столике лежал телефон — три непрочитанных сообщения. Одно от Лили: *«Ты опять не отвечаешь. Пожалуйста, скажи, что ты хотя бы ешь»*. Второе: *«У меня есть два билета на рождественский концерт. Не говори нет»*. Третье: *«Грейс, ты не обязана быть одна только потому, что тебе больно»*.

Грейс выключила экран. Лили всегда считала, что если достаточно настойчиво приглашать человека на вечеринки, концерты и ужины, однажды он просто перестанет быть несчастным. Это было мило. И совершенно бесполезно. Последний раз Грейс была на вечеринке для одиноких три недели назад. Там мужчина по имени Марк двадцать минут рассказывал ей о своей бывшей жене, ещё десять — о криптовалюте, а потом спросил: *«Ты вообще планируешь детей?»*. Грейс ответила: *«Сейчас я планирую найти выход»*. Марк решил, что это шутка. Она — нет.

Она прошла в прихожую и остановилась перед зеркалом. На неё смотрела женщина тридцати пяти лет. Не старая, она знала это, но последнее время почему-то чувствовала себя человеком, который опоздал на собственную жизнь. Тёмные круги под глазами, волосы, собранные в небрежный пучок, мамин кашемировый кардиган. Она провела ладонью по рукаву. Этот кардиган мама надевала зимой, когда работала дома. Грейс помнила запах её духов и тёплую шерсть. Помнила, как однажды в университете стащила его без разрешения.

«Вернёшь?» — спросила мама. «Нет». «Почему?» — «Потому что он удобный». «Тогда официально дарю». Грейс тогда рассмеялась, не зная, что спустя десять лет будет держаться за этот рукав так, словно он мог вернуть ей человека.

Она отвернулась от зеркала. «Тебе нужно жить дальше, милая». Голос психотерапевта прозвучал в памяти. На последнем сеансе доктор Миллер сказала это почти теми же словами:

— Вы всё время говорите о том, что потеряли, Грейс. Но почти ничего не говорите о том, чего хотите.

— Я хочу, чтобы они были живы.

— Это понятно.

— Тогда какой смысл задавать мне другой вопрос?

Доктор Миллер не обиделась, только посмотрела на неё поверх очков.

— Потому что они умерли. А вы — нет.

Грейс тогда ничего не ответила. Она возненавидела эту фразу, и именно поэтому запомнила её.

Она вернулась в гостиную, где всё ещё светился ноутбук, и открыла браузер. Вкладка появилась на экране почти мгновенно — она смотрела на неё уже три недели. Чёрный фон. Золотые буквы. Минималистичный логотип. «ИДЕАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ». Элитное агентство по подбору партнёров. Ниже: «Мы не верим в судьбу. Мы верим в совместимость».

Грейс усмехнулась. Как человек, профессионально редак-

тировавший любовные романы, она должна была испытывать к подобному сайту здоровое презрение. Вместо этого она сохранила его в закладки. Три недели назад она впервые позвонила туда в два часа ночи и почти сразу пожалела об этом.

Женщина на другом конце провода ответила после второго гудка.

— «Идеальный алгоритм». Вивиан Кросс.

Голос был холодным, спокойным и настолько уверенным, что Грейс мгновенно представила женщину в идеально выглаженном костюме.

— Я хотела бы узнать о вашей программе.

— Конечно.

— Она... дорого стоит?

Повисла пауза.

— Если вас беспокоит цена, вероятно, вам нужна другая программа.

Грейс чуть не рассмеялась.

— Я люблю людей, которые сразу переходят к делу.

— Тогда мы сработаемся.

Так она и познакомилась с Вивиан, которая действительно оказалась именно такой, какой Грейс её представляла: тёмный костюм, идеальная укладка, маникюр, стоящий больше, чем первый автомобиль Грейс, и взгляд женщины, способной одним движением брови заставить взрослого мужчину

пересмотреть всю свою карьеру.

— Вам тридцать пять, — сказала Вивиан на первичной консультации, просматривая анкету. — Вы финансово независимы. У вас стабильная карьера. Вы никогда не были замужем.

— Очень похоже на допрос.

— Это не допрос. Это диагностика.

— Звучит ещё хуже.

— У вас есть требования к кандидату? — спросила Вивиан, открывая папку.

— Я редактор любовных романов, — Грейс криво усмехнулась. — У меня их слишком много. Никаких творческих кризисов, никаких байкеров с золотым сердцем и никаких загадочных миллиардеров с травмами. Мне нужен человек, который переходит дорогу только на зеленый свет. Скучный. Надежный. Просчитываемый от первого до последнего абзаца. Тот, кто никогда не разобьется на обледенелой трассе.

— Вы хотите мужа?

Грейс замолчала. Раньше она бы ответила сразу, но сейчас вопрос показался ей неожиданно сложным.

— Я хочу... — Она опустила глаза. — Чтобы дома кто-нибудь ждал.

Вивиан перестала листать бумаги:

— Это не то же самое.

— Знаю.

— Тогда чего вы хотите?

Грейс хотела сказать: *ничего*. Хотела сказать: *мне всё равно*. Хотела встать и уйти. Но вместо этого произнесла:

— Я хочу перестать бояться будущего.

Вивиан смотрела на неё несколько секунд.

— Тогда вам нужна программа из двенадцати свиданий. Двенадцать кандидатов, отобранных по вашим параметрам. После каждого свидания вы даёте обратную связь. Мы корректируем профиль. И в конце вы выбираете мужчину.

— А если никто не подойдёт?

— Подойдёт.

— Откуда такая уверенность?

Вивиан спокойно закрыла папку.

— Потому что вы не первая женщина, которая приходит ко мне после того, как решила, что с ней что-то не так.

Грейс тогда впервые перестала улыбаться.

— Со мной что-то не так?

— Нет. Вы просто слишком долго были одна.

Теперь, сидя перед экраном, Грейс вспомнила эти слова. Слишком долго.

Она посмотрела на банковский счёт: страховка родителей, сбережения, деньги, которые отец откладывал на её будущее. На чёрный день. Грейс почти слышала его голос: *«Деньги нужны не для того, чтобы лежать. А для того, чтобы однажды сделать что-нибудь настолько глупое, что потом всю жизнь будешь смеяться»*. Она тогда закатила глаза: *«Отличный финансовый совет»*. — *«Я стараюсь»*.

Она смотрела на сумму. Пятнадцать тысяч долларов. \$15 000. За двенадцать свиданий. Это было безумие. Можно было внести первоначальный взнос за машину, отложить деньги на несколько лет или просто ничего не делать. Продолжать работать, редактировать любовные романы, разговаривать с пустыми креслами и снова встретить Рождество здесь. Одна.

Грейс представила это. Тот же дом, та же ёлка, та же музыка и два пустых кресла. И она — через год, в тридцать шесть. Потом тридцать семь. Сорок. Однажды ей может стать семьдесят, и она поймёт, что последние десятилетия потратила на то, чтобы бережно хранить жизнь, которая закончилась.

Она резко открыла банковское приложение.

— Хватит.

Дрожащими пальцами ввела реквизиты. На экране появилась сумма: \$15 000.00. Грейс смотрела на неё так, словно банковское приложение только что предложило ей продать почку.

«Вы уверены, что хотите подтвердить перевод?»

Она усмехнулась.

— Нет. Абсолютно не уверена.

Ее палец завис над кнопкой. И тут она посмотрела на фотографию родителей.

— Вы бы меня отговорили, да? — в тишину спросила она.

— Папа сказал бы, что пятнадцать тысяч — это слишком много за свидания.

Она представила его лицо: *«За пятнадцать тысяч я сам*

могу найти тебе мужчину». Грейс рассмеялась настоящим смехом, первым за несколько дней.

— А мама сказала бы, чтобы я хотя бы попробовала.

Она посмотрела на пустое кресло.

— Я попробую.

И нажала. Платёж подтверждён. Несколько секунд ничего не происходило, а потом на экране появилось:

«Добро пожаловать в "Идеальный алгоритм". Ваш первый кандидат будет представлен в течение 48 часов».

Грейс медленно откинулась на спинку дивана. Всё. Она только что заплатила пятнадцать тысяч долларов за двенадцать свиданий, за один месяц, за шанс встретить человека, которого не знала. За возможность перестать быть женщиной, которая ждёт, когда закончится боль.

Снаружи продолжал падать снег. Грейс посмотрела на него, и впервые за долгое время не подумала о том, как сильно боится дороги. Она подумала о том, что будет дальше.

Двенадцать свиданий. Двенадцать незнакомцев. Один шанс.

Может быть, она действительно сошла с ума. А может быть... она впервые за год сделала что-то не для того, чтобы пережить следующий день. А для того, чтобы в нём жить.

Глава 2. Кандидат 1.

Снег набился Грейс в ботильоны ещё до того, как она успела дойти до парковки. Она остановилась под навесом, достала телефон и посмотрела на экран: 18:47. В приложении для такси мигала надпись: «Поиск водителя...». Грейс обновила страницу. Ещё раз. Ничего. — Конечно, — пробормотала она. Всё складывалось идеально. Пятнадцать тысяч долларов за программу из двенадцати свиданий. Первое свидание. Первый кандидат. Первый провал. И теперь первый в жизни случай, когда ей хотелось обнять приложение такси и попросить его хотя бы не усугублять ситуацию.

Она убрала телефон в карман и посмотрела через стеклянную дверь на площадь. Снег усиливался. Там уже зажглись рождественские огни, дети бегали вокруг деревянных домиков рынка, взрослые стояли в очередях за горячим шоколадом, а возле фонтана какой-то мужчина в костюме Санта-Клауса пытался не уронить огромный мешок с подарками. Обычный декабрьский вечер в Вермонте. Кроме одного маленького обстоятельства: Грейс хотелось исчезнуть. Она посмотрела на свои ботильоны. Тонкая замша, никакого меха, никакой водонепроницаемой пропитки. Просто красивая обувь, которую она купила в сентябре и ни разу не надевала в снег. «Очень умно, Грейс». Она мысленно поставила себе двойку. А потом вспомнила Тодда и мысленно постави-

ла ему единицу.

Свидание началось вполне нормально. По крайней мере, первые семь минут. Тодд оказался симпатичным мужчиной лет тридцати восьми, работавшим финансовым консультантом: тёмные волосы, очки в тонкой оправе, дорогая куртка и очень аккуратно завязанный шарф. Он улыбнулся, когда она подошла, и пожал ей руку. У него были холодные пальцы.

— Я должен признаться, — сказал он, — когда Вивиан рассказала мне о тебе, я подумал, что мы идеально подходим. Грейс улыбнулась: — Это несколько пугает. — Почему? — Я предпочитаю сначала познакомиться с человеком, а уже потом узнавать, идеально ли мы подходим. Тодд рассмеялся, отметив, что у неё хорошее чувство юмора и это «есть в анкете». Разумеется.

Они пошли вдоль площади. Тодд задавал правильные вопросы: что она делает, где живёт, любит ли путешествовать, какие книги читает. Грейс даже поймала себя на мысли, что Вивиан, возможно, действительно знает, что делает. А потом Тодд сказал, что любит рождественские традиции, и подвел её к загону с двумя северными оленями. Купив у уличной торговли пакетик с морковью, он вложил его ей в руки.

— Покорми его, — скомандовал он.

— Руками.

Грейс осторожно протянула морковь. Олень облизал её ладонь, и она невольно вздрогнула. Тодд рассмеялся и достал телефон:

— Забавно, правда? А теперь давай сделаем фото. Поднеси морковь ближе к лицу. Он возьмёт её прямо изо рта. Грейс посмотрела на оленя, потом на Тодда.

— Нет. У него слюна.

— Это мило.

— Для кого? Тодд со смехом убрал телефон, но через секунду достал снова: — Хотя можно попробовать другой ракурс...

— Тодд, я не буду кормить оленя изо рта, — отрезала она.

Он пожал плечами, пообещав не заставлять. И вроде бы на этом всё должно было закончиться, но через две минуты он снова спросил: «А если только один раз?». Грейс закрыла глаза. Будучи редактором, она прекрасно знала, что люди редко раздражают одним большим поступком. Обычно они делают это маленькими порциями: сначала вопрос, потом шутка, потом ещё одна, а затем человек просто перестаёт замечать, что нарушает чужие границы.

— Я не хочу, — повторила Грейс.

На этот раз он замолчал надолго. В его извинениях больше не было улыбки. Несколько минут они шли молча, пока Тодд не попытался оправдаться тем, что просто хотел сделать свидание «особенным». Грейс посмотрела на него и вдруг почувствовала не раздражение, а смертельную усталость. Он действительно хотел понравиться. Просто слишком старался.

— Тодд, думаю, нам лучше закончить на этом, — мягко

сказала она. Он искренне удивился, не понимая, что сделал не так.

— Ничего ужасного, — ответила Грейс.

— Просто мне всё время кажется, что ты пытаешься про-
вести не свидание со мной, а *идеальное* свидание. А я устала
от идеального.

Они попрощались. И вот теперь Грейс стояла под наве-
сом, смотрела на бесконечное «Поиск водителя...» и чув-
ствовала себя одновременно виноватой и совершенно сво-
бодной. Вивиан, наверное, уже получила её оценку. *Канди-
дат 1: Тодд. Потенциал есть. Совместимость — нет.* Нако-
нец приложение обновилось: «Ожидание: 18 минут». Грейс
тяжело вздохнула и написала Лили: «*Я закончила первое сви-
дание*». Ответ пришёл почти мгновенно: «*И???*». «*Он хотел,
чтобы я кормила оленя изо рта*». В чате тут же появились
три точки. «*ЧТО?*» Грейс усмехнулась: «*Длинная история*».
— «*Ты жива?*» — «*Пока да*». — «*Тогда домой*».

Домой. Какое простое и какое теперь странное слово. Она
не хотела домой. Не сегодня. Там были два пустых крес-
ла, мамины чашки, отцовские книги и звенящая тишина.
Здесь хотя бы падал снег. Она посмотрела вдоль улицы. Че-
рез квартал под двумя красными фонарями светилась вы-
веска «ДРОВОСЕК». Паб, в котором она никогда раньше не
была. Время — 19:16. «Один напиток. Потом домой», — ре-
шила Грейс и шагнула в метель.

Снег хрустел под ногами. Через три минуты ноги промок-

ли, через пять Грейс пожалела обо всех решениях, которые привели её к этой точке, а через семь увидела вывеску крупнее. Под названием была нарисована маленькая топорная голова. «Очень гостеприимно», — пробормотала она и толкнула тяжёлую дверь.

Тепло ударило в лицо. После ледяной улицы бар казался почти нереальным: тёмное дерево, кирпичная стена, горящий камин. Люди за столиками тихо разговаривали, из динамиков лился старый блюз. Никаких рождественских гимнов, слава богу. Грейс остановилась на пороге. — Спасибо, — раздался мужской голос. Она обернулась. За барной стойкой стоял мужчина. — Простите? Он кивнул на дверь: — Если оставите её открытой ещё на десять секунд, мне придётся добавить к меню горячий суп из клиентов.

Грейс поспешно закрыла дверь. Мужчине было под сорок. Не в костюме, не в дорогой рубашке — на нём была простая зелёная фланель с закатанными рукавами и тёмные джинсы. Волосы немного растрепались, словно он то и дело проводил по ним рукой, а на предплечье виднелся старый тонкий шрам. Он не выглядел как мужчина из любовного романа, и именно это Грейс отметила первой. У героев её книг волосы всегда лежали идеально, а улыбка была безупречной. Этот мужчина не улыбался. Он просто смотрел.

— Вы будете сидеть? — спросил он.

— Если разрешите.

— Я подумую, — уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Шучу.

Грейс сняла пальто, подошла к стойке и забралась на высокий табурет.

— Мне нужно что-нибудь крепкое.

— После еды?

— Нет.

— Тогда вода. Если вы собираетесь пить на пустой желудок, сначала вода. Грейс прищурилась:

— Вы всегда так разговариваете с клиентами?

— Только с теми, кто выглядит так, будто собирается принять несколько сомнительных решений подряд. Она посмотрела на него:

— Сегодня уже было одно.

— Тогда вам повезло. Второе будет дешевле.

На этот раз она искренне рассмеялась. Мужчина поставил перед ней стакан воды, а затем достал бутылку.

— Что будете?

— Что-нибудь, что заставит меня забыть сегодняшний вечер.

— Тогда вам нужен психотерапевт.

— Уже есть.

— Значит, бурбон. Наконец-то разумный человек, — он достал тяжёлый низкий стакан. — Какой?

— Выберите сами. Он остановился:

— Опасный ответ. Потому что потом нельзя жаловаться.

— Договорились.

Он налил бурбон, добавил лёд и несколько капель чего-то тёмного.

— Это что? — Кленовый сироп, — ответил бармен, подвигая к ней стакан.

— Мы в Вермонте. Попробуйте. Грейс сделала маленький глоток. Жидкость обожгла горло, а затем идеальное тепло медленно разлилось по груди. Она прикрыла глаза со стоном облегчения:

— Ох. Это лучшее, что случилось со мной сегодня.

— А день был настолько плох?

— У меня было свидание. Его зовут Тодд, и он хотел, чтобы я кормила северного оленя изо рта. Бармен замер с полотенцем в руках.

— Простите? И вы отказались?

— Разумеется.

— Хорошо. Я просто хотел убедиться, что в этом городе ещё остались разумные люди.

Грейс впервые внимательно посмотрела на него.

— Вы всегда проводите собеседование перед тем, как налить бурбон?

— Только женщинам в промокших ботильонах, — он кивнул на лужицу под её ногами. — В следующий раз надевайте нормальную обувь. Если, конечно, собираетесь продолжать ходить на такие свидания. Грейс нахмурилась:

— Откуда вы знаете, что будут следующие?

— По вашему лицу. Вы похожи на человека, который не

умеет бросать начатое. Она хотела возразить, но не смогла. Он попал точно в цель. Она не умела бросать. Ни издательство, ни дом, ни психотерапию.

— Одиннадцать, — сказала она.

— Осталось одиннадцать свиданий. Бармен удивленно поднял брови:

— Вы считаете? — Я редактор.

— Это объясняет многое. Вы считаете даже то, что нормальные люди просто переживают.

Он молча протянул ей салфетку, заметив, что она дрожит. Грейс ответила, что это от злости, и он ничего не сказал. И почему-то ей это безумно понравилось. Большинство людей завалили бы её вопросами, но этот мужчина просто оставил её в покое. Грейс обхватила ладонями стакан. В камине потрескивали дрова, за окном шел снег, и впервые за долгое время тишина рядом с другим человеком не казалась пустотой.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Джек.

— Просто Джек? Очень загадочно.

— Я бармен. Нам положено. А вы узнаете больше, если задержитесь.

Он взял полотенце и снова начал протирать бокал.

— Кстати, эти ботильоны переживут ещё одиннадцать свиданий? Грейс посмотрела на свои промокшие ноги:

— Нет. — Тогда покупайте сапоги. Это Вермонт, — он

усмехнулся.

— Здесь снег не для декораций. Грейс рассмеялась, и впервые за много месяцев её смех не показался ей чем-то неправильным.

Глава 3. Кандидат 2.

В среду вечером Грейс застряла в офисе до семи, вычитывая финальные правки рождественского альманаха. К семи двадцати у неё пульсировала головная боль. К семи тридцати она была готова отказаться от человечества в целом. На экране перед ней светился очередной абзац: *«Он посмотрел на неё так, словно она была единственной женщиной во вселенной»*. — Конечно, — пробормотала Грейс, потирая переносицу. — Потому что во вселенной больше никого нет. Она исправила запятую, сохранила файл и выдохнула. На свое второе свидание она шла с ощущением надвигающейся катастрофы.

Кандидата номер два звали Дерек Хейз. Тридцать девять лет. Вице-президент в инвестиционной компании. Вивиян добавила к его анкете приписку: *«Высокая совместимость по ценностям и жизненным целям»*. Судя по профилю, Дерек был человеком, который имел финансовую подушку на случай падения метеорита.

Он ждал её в переговорной зоне дорогого отеля. Безупречно скроенный темно-синий костюм, белая рубашка и левый AirPods, который он не вынимал из уха, даже когда говорил. — Грейс? — он встал и уверенно пожал ей руку. Словно они только что закрыли сделку. Грейс села напротив. На столе уже стояли два эспрессо и минеральная вода без га-

за. — Вы выбрали за нас? — спросила она. — Я заказал заранее. Я люблю экономить время. — Эффективно. Дерек не понял, что это была ирония. Спустя пятнадцать минут Грейс окончательно осознала, что присутствует не на свидании, а на жестком собеседовании.

— ...поэтому я считаю, что отношения — это слияние активов, — вещал Дерек, отодвигая чашку и раскладывая на столе бумажную салфетку. Он достал из внутреннего кармана платиновую ручку.

— Давай сделаем быстрый SWOT-анализ. Твои сильные стороны: хорошая работа, нет долгов по кредиткам. Слабые стороны: творческая профессия, нестабильный доход. Но меня больше интересуют угрозы. Грейс моргнула, чувствуя, как дергается левый глаз.

— Угрозы?

— Долгосрочные риски, — деловито пояснил Дерек, чертя на салфетке ровную таблицу. — Твои родители. Сколько им лет? Какая у них медицинская страховка? Есть ли в анамнезе Альцгеймер или деменция? Я составляю финансовый план на ближайшие двадцать лет и должен понимать, придется ли нам закладывать бюджет на сиделок и пансионат для престарелых. Я не хочу непредвиденных оттоков капитала.

Воздух внезапно стал слишком плотным. Головная боль Грейс исчезла, уступив место ледяному, парализующему оцепенению. Перед глазами на секунду мелькнул черный лед на трассе и искореженный металл.

— Мои родители, — ее голос прозвучал глухо, словно из-под воды.

— Они погибли. В прошлом году. Автокатастрофа. Ручка Дерека замерла над салфеткой. Он поднял взгляд. В его глазах не было ни грамма сочувствия. Там заработал калькулятор. — О, — Дерек откинулся на спинку стула и слегка кивнул, словно одобряя удачную сделку. — Соболезную, конечно. Но, если говорить прагматично — это отличные вводные. Ты идеально мне подходишь, Грейс. Отсутствие финансовой нагрузки на старшее поколение — это огромный плюс. Никаких расходов на их старость, никаких эмоциональных качелей с болезнями. Чистый профит.

Грейс сидела, не в силах пошевелиться. Всю жизнь она была тепличным цветком, о котором заботились мама и папа. Она привыкла обходить острые углы, сглаживать конфликты и искать во всем романтику. Но прямо сейчас, глядя на этого человека с идеальным пробором, она не чувствовала скорби. Она чувствовала чистую, концентрированную ярость.

— Идем дальше, — Дерек поставил галочку в колонке на салфетке, не замечая ее состояния.

— Наследники. Мой план: мальчик и девочка. Погодки, чтобы минимизировать время твоего декрета. У тебя есть проблемы по-женски? Эндометриоз, гормональные сбои? Мне нужно знать, придется ли инвестировать в ЭКО, потому что это меняет таймлайн...

— Хватит.

Слово вырвалось из нее так резко, что Дерек замолчал. Грейс медленно встала. Она взяла со стола салфетку со SWOT-анализом, аккуратно разорвала ее ровно пополам и положила обрывки перед Дерексом.

— Человек предполагает, а Бог располагает, Дерек, — голос Грейс дрожал, но она впервые за весь вечер расправила плечи.

— Жизнь — это не бизнес-план. Ты можешь расписать свои риски на двадцать лет вперед, но завтра пьяный водитель вылетит на встречную полосу, или у тебя найдут бесплодие, и вся твоя идеальная таблица превратится в мусор. Ты не можешь завернуть свою жизнь в пупырчатую пленку.

— Грейс, ты сейчас слишком эмоциональна... — начал он, снисходительно хмурясь.

— А ты — бракованный кусок пластика, а не человек, — отрезала она.

— Удали мой номер. Если ты мне еще раз позвонишь, я засуну этот AirPods тебе в горло. Она развернулась и пошла к выходу, игнорируя то, как трясутся ее руки.

На улице её трясло. Не от холода, а от концентрированной, чистой злости. Сев в машину, она открыла телефон и увидела сообщение от Вивиан: *«Как прошло?»*. Грейс напечатала: *«Кандидат 2 не прошёл. Он пытался превратить мою жизнь в Excel»*. Вивиан ответила коротким *«Принято»*. Грейс убрала телефон и вдруг поняла, куда хочет поехать.

В «Дровосеке» было почти пусто. Обычный рабочий вечер. Грейс остановилась у двери, не зная, почему приехала сюда. Наверное, потому что здесь было тепло, и никто не спросил бы, почему у неё дрожат руки. Она подошла к стойке. Джек, протиравший стаканы, поднял глаза. Он посмотрел на её бледное лицо, потом на глаза. — Плохой день? — спросил он. Грейс села на высокий табурет. — Ужасный.

Джек молча достал стакан.

— Ела сегодня? Кофе не считается. Она покачала головой. Джек налил ей бурбон, а через несколько минут вернулся с кухни с тарелкой горячего супа и куском хлеба.

— Ешь. Суп бесплатно.

— Почему?

— Потому что ты выглядишь так, будто сегодня тебе не нужен ещё один человек, который будет что-то от тебя хотеть, — он пожал плечами и отвернулся к полкам.

Грейс съела ложку супа, чувствуя, как внутри оттаивает ледяной ком. Джек занимался своими делами и не смотрел на неё. Никакого пристального внимания, никаких просьб рассказать всё в деталях.

— Он составил таблицу, — нарушила тишину Грейс, когда тарелка опустела. — Мужчина на свидании. Вице-президент инвестиционной компании. Он составил SWOT-анализ наших потенциальных отношений. Написал, что мои мертвые родители — это финансовый плюс, потому что на них не нужно тратить деньги. И спросил, есть ли у меня эндометри-

оз, чтобы рассчитать таймлайн декрета.

Джек замер. Он медленно поставил стакан, который протирал, и повернулся к ней. В его глазах не было ни капли той снисходительности, с которой на неё смотрел Дерек. Там была только холодная, тихая ярость.

— И что ты сделала? — низким голосом спросил Джек.

— Я разорвала его салфетку, послала его к черту и ушла.

Слова вырвались сами собой. Грейс обхватила стакан обеими руками, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— Знаешь, я всю жизнь думала, что если все делать правильно, если все планировать, то ничего плохого не случится. Мама всегда говорила: будь хорошей девочкой, и мир будет к тебе добр. Чушь собачья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.